

ские говорят здесь «до свидания», немцы — auf wiedersehen («до нового видения»), французы часто говорят adieu («с богом»), англичане — good-bye («до свидания»). И вообще, в разных языках указание на расставание может выражаться самыми разнообразными средствами. И значит, везде имеется здесь в виду не просто отвлеченный смысл расставания или разлуки, но этот смысл каждый раз по-разному мыслительно интерпретируется. Некоторые выражения в иных языках еще сохраняют былую моральную насыщенность. Так, например, русское «прощай» теперь уже не указывает на просьбу о прощении, но несомненно носит на себе налет более возвышенного и морального характера, чем просто «до свидания». Точно так же франц. adieu, как и итал. addio, тоже отличается несколько более возвышенным характером, чем просто франц. au revoir. Англ. good-bye в настоящее время звучит так же прозаически, как и русское и немецкое выражение при расставании. Однако это теперешнее прозаическое выражение произошло из староанглийского god be with you, означавшего «Господь с тобою». Англ. farewell, где первая часть слова сопоставляется с нем. fahren («ехать»), в настоящее время можно перевести как «доброе пути». Однако выражение это в просторечии употребляется у англичан гораздо реже, а встречается больше в поэтическом языке или в песнях. Наконец, русское выражение «всего хорошего» звучит уже совсем прозаически; а такие выражения, как «всего» или «пока» воспринимаются даже на границе просторечия и вульгаризма. Таким образом, даже такие простые и просторечные выражения, которые употребляются при расставании одного человека с другим, отличаются самым разнообразным интерпретирующим характером, начиная от простой констатации самого факта расставания и кончая самой глубокой и высокой его моральной или какой-нибудь еще иной интерпретацией. Если же учесть еще и ту интонацию, с которой произносятся слова при расставании, то можно прямо сказать, что типов этой интерпретации безгранично много. При этом всякому должно быть ясно, что интерпретация эта не есть просто языковое отражение самого факта расставания, но и чисто мыслительная его насыщенность, начиная от нулевой и кончая безгранично насыщенной, с сопровождением то ли просто рукопожатия, то ли поцелуя, то ли просто кивка (тоже при самом разнообразном и трудно формулируемом личном и общественном содержании этих физических актов).

5. Валентность в окружении соседних категорий

В заключение предложенных выше размышлений нам хотелось бы сопоставить новейшее понимание валентности с такими языковыми категориями, которые соприкасаются и часто сливаются с нею, но которые весьма полезно отличать и формулировать отдельно.

Прежде всего валентность слова и вообще всякого языкового элемента раньше никак не отличали от так называемого **основного значения** слова или элемента слова. Здесь не стоит входить в рассмотрение того, что можно и нужно назвать основным значением слова, существует ли такое основное значение и если существует, то в каком смысле. Однако в настоящее время основное значение слова, как бы его ни понимать, является весьма статической категорией, в то время как валентность слова указывает не только на подвижный смысловой характер слова, но несомненно также и на смысловую динамику валентности. Она не просто есть или существует в слове, но она является его **смысловой мощностью**, ее разносторонней и даже трудно исчислимой семантической **потенцией**. Валентность слова действительно, можно сказать, есть его основное значение. Но это не просто основное значение, а еще и заложенная в нем потенция весьма разнообразных значений.

Обычно плохо различают валентность слова и его **полисемию**. Тут — тоже различие в смысле статического элемента или статической кар-